

Не суйте нос куда не нужно

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Мне нравится, когда ты улыбаешься, - сказал Сонгцэн, глядя на Яшви.

Он не хотел, чтобы она заставляла себя показывать те эмоции, которых не испытывала. Лишь отмечал, что ему приятно, когда ей было хорошо с ним. Жизнь учила Яшви вести себя настороженно и не доверять больше необходимого, и Сонгцэн относился к этому с пониманием.

- Ты очень красивая. Теперь я понимаю, почему в ханьских сказках всегда говорят, что нужно опасаться лисьих чар, - добавил Сонгцэн.

Ханьские лисицы были, насколько он помнил, обычными рыжими. И они сами старались соблазнять тех, кто им был нужен. В то время как Яшви никогда не хотела замуж и была бы рада независимости. И он очень ценил то, что она все же согласилась с ним быть. Потому что в его окружении только Яшви могла иметь свои интересы и цели, став его женой, и он мог видеть в ней куда большее, чем просто красивую женщину, которая будет ждать его дома, вышивая шелком, и кротко опускать взгляд, дожидаясь комплиментов и подарков.

Яшви Садхир

- В монгольских сказках обычно рассказывают о коварстве и подлости лис, - ответила Яшви. Да и везде, насколько она уже успела убедиться, лисы хитры, коварны, двуличны и сладкоречивы. Но тибетские лисы, хоть и были лисами, были не такими. Или не совсем такими. Они были гордыми, честными, щедрыми. И все же оставались лисами, с этим она не могла спорить. - Но ведь лиса не выбирает, родиться ей лисой или тигром.

Яшви уже не представляла, что могла быть кем-нибудь другим. Родиться в клане Кобр или Тигров или Рысей. Или где-то еще, оказаться вообще без клана, как многие другие люди. Ее путь должен был пройти через все это, и она не жалела, что все так сложилось. Ей не на что было жаловаться. Она была свободна, она могла сама управлять своей жизнью, могла выбирать, что ей делать, куда идти и чем заниматься. Кого любить, с кем быть рядом, с кем провести всю жизнь. Она знала, что любима, что нужна.

- Я не пыталась очаровать, - покачала она головой. Ей никогда бы и в голову не пришло флиртовать или пытаться очаровать принца. До того, как он приехал в степь, Яшви была уверена, что их судьбы больше никогда не пересекутся.

Она услышала какой-то шум за дверью и несколько недоуменно и даже растерянно взглянула на принца, а потом дверь вдруг распахнулась, и в комнате сразу стало слишком людно.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Я знаю, что не пыталась, - ответил Сонгцэн.

Он обернулся на распахнувшуюся дверь и увидел двух стражников и несколько наложниц, которые набрались наглости вламываться к Яшви в покои среди ночи. Кто-то из наложниц успел ляпнуть, что Яшви в это время не одна, но осеклась, узнав принца. Стражники ему вежливо поклонились, но Сонгцэн решил, что в этой ситуации одних разговоров будет мало. Он встал из-за стола. По всему телу побежали болезненные мурашки, которые сменились судорогой, и вскоре в комнате на месте Сонгцэна стоял взъерошенный лев, настроенный явно не дружелюбно. Он громко зарычал, затем бросился в сторону незваных гостей. Наложницы с воплями ринулись в коридор, стражники, к их чести, не удирали до тех пор, пока девицы не оказались достаточно далеко.

Лев пробежал по коридору, зарычал снова и обернулся в сторону одной из открывшихся дверей, за которой находилась комната еще кого-то из девиц. Вечер перестал быть томным, вокруг все бегали и многие верещали. Сонгцэн себя контролировал. Он знал, что не кинется ни на кого, он просто пугал, потому что нужно было как-то доходчиво объяснить, чего делать нельзя ни в коем случае.

Яшви Садхир

По тому, как принц поднялся из-за стола и повел плечами, Яшви поняла, что сейчас что-то будет, но она не ожидала, что он снова превратится. От громкого рыка, кажется, задрожали даже стекла, а затем еще громче завизжали перепуганные наложницы. Бравые воины спасались последними. Яшви вскочила с места и бросилась к двери, с довольно смутным ощущением, что она не знает, что ей делать.

Не хватало еще присоединиться к всеобщей панике и тоже побегать по коридору, пытаясь отловить там льва, поэтому, в нерешительности потоптавшись у распахнутой настежь входной двери, Яшви вернулась к подушкам и уселась обратно за столик, чтобы дожидаться там принца. В конце концов, именно ей не нужно было объяснять, почему нельзя вламываться в покои будущей принцессы даже если она и не одна. Хотя сложно понять, что творилось в головах наложниц, которые сочли, что она может быть с кем-то еще в такое время суток, кроме как со своим женихом.

Из коридора все еще были слышны визги и вопли, рык рассерженного льва, какие-то еще крики, но Яшви продолжала сидеть за столиком. Наверное, кто-то увидел свет в ее окне, и подслушивал под дверью, решив, что она пустила к себе в покои любовника за спиной Садхира-джи. За подобное можно было легко угодить на смертную казнь, что не входило в планы Яшви ни сегодня, ни когда либо еще.

Шэн Бо

Шэн уже давно легла спать, когда её сон был нарушен шумом во дворце. Она сказала Кэйлашу, что посмотрит сама, потому что беспорядки творились в женском крыле дворца. Тигрица накинула халат и вышла из спальни. По коридорам носились наложницы и служанки. Несколько стражников выглядели напугано, но хотя бы не бегали, а окно звенели от рыка разгулявшегося льва, которого она вскоре увидела. Шэн впервые видела звериный облик сына, но не нужно быть гением дедукции, чтобы понять, что львом был именно он.

- Что происходит? - рявкнула Шэн на весь коридор.

- Бо-джи, - одна из наложниц вежливо поклонилась, но ничего не сказала.

- Нам сказали, что Невари-джи в комнате не одна, - испуганно сказал один из стражников.

- И вы сочли возможным к ней вламываться?

Казалось, Шэн абсолютно не было дела до метавшегося по коридору льва. Она хорошо знала повадки кошачьих, это был концерт, он себя контролировал.

- Вы считаете допустимым беспокоить его Высочество и Невари-джи? - громче спросила Шэн. - Чтобы через две минуты тут никого не было! Если вам нечем заняться ночью и нет причин отдыхать, его Величеству и их Высочествам не хотелось бы, чтобы их беспокоили.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Лев гонял наложниц по коридору, пока не услышал голос матери. Он еще пару раз рыкнул в пространство, ощерился, глядя на Калу, которая наверняка имела к этому происшествию непосредственное отношение, хоть и не вламывалась к Яшви лично, и затем сел и стал ждать, пока все разойдутся. Он посмотрел на мать, дружелюбно прищурился, после чего перекинулся обратно. Это превращение все еще было неприятным и болезненным, но прошло немного легче, чем предыдущие.

- Мама, - Сонгцэн вежливо поклонился. - Прости, что тебя разбудили. Доброй ночи.

Он заметил, что наложницы продолжали за ним наблюдать, хоть и постарались скрыться по своим комнатам и затихнуть. Поэтому Сонгцэн расправил халат, еще раз поклонился матери, когда та отправилась в сторону их с отцом покоев, и показательно ушел обратно к Яшви. Только на этот раз закрыл дверь на замок.

- Интересно, кому из них пришла в голову мысль, что здесь мог быть кто-то другой, - сказал Сонгцэн.

Яшви Садхир

Яшви прислушивалась к шуму в коридоре, благо, что двери до сих пор были распахнуты, а затем поняла, что голосам добавился еще один, после которого все моментально затихло. Яшви порадовалась, что ей хватило ума не высовываться в коридор, потому что ей не хотелось бы нарваться на неудовольствие разбуженной шумом Бо-джи. Дальнейший разговор она слышала не так хорошо, как хотелось бы. Яшви не владела звериным обликом, хоть и замечала за собой какие-то признаки его проявления, но не могла похвастаться острым звериным слухом, а потому ей осталось просто дожидаться возвращения принца. Если оно последует, и он не решит вернуться в свои покои, чтобы последовать примеру матери и лечь спать.

Поэтому она обрадовалась, увидев, что принц возвращается, уже в своем человеческом обличье. К тому же он запер дверь, что раньше не пришло Яшви в голову. Она и не думала о том, что к ней может кто-то вломиться без предупреждения, и, по-видимому, стоило завести привычку запираť дверь на ночь.

- Уверена, что это была Кала, - хотя ее не было среди тех, кто оказался в покоях, Яшви могла бы дать руку на отсечение, что эта змея была где-то поблизости. Наверняка подговорила остальных. - Бо-джи выглядела очень рассерженной?

Надо думать, что внезапные подъемы посередине ночи не очень благоприятно сказываются на настроении и благодушии.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Кала там как минимум была и не выглядела сонной, - подтвердил Сонгцэн.

Наложницы искали возможность скомпрометировать Яшви или как-то еще помешать свадьбе. Нужно было помнить об этом, чтобы их планы не были осуществлены. И особенно пристально присматривать за Калой. Сонгцэн считал, что на их стороне будет Аша Прия, но сегодня её не было в коридорах, и она явно не успела узнать об этой затее и её предотвратить.

- Мама не любит, когда её будят, но она уже ушла к себе, - сказал Сонгцэн. - Я не думал, что их с отцом покоях будет слышно.

Как не подумал, что мать обладала тигриным слухом, в то время как его звериный облик еще не дал ему подобный дар слышать намного лучше, чем слышали обычные люди.

- Завтра я разберусь со стражниками, чтобы они думали перед тем, как куда-то вламываться, - сказал Сонгцэн.

Яшви Садхир

Что и требовалось доказать. Давно надо было привыкнуть, что если во дворце что-то происходит, то к этому приложила руку Кала.

- Ты рычал очень громко, - поделилась она своими наблюдениями. Этот рык походил на громовые раскаты, и Яшви была уверена, что его слышно в каждом уголке дворца, а отголоски рыка еще долго гуляли под высокими потолками. Хотя глупо было спорить с тем, что просто командирский голос Бо-джи было слышно хуже. От него, наверное, вздрогнула и подтянулась даже стража на внешних воротах. Теперь наложницы трижды подумают перед тем, как устраивать переполох, когда в резиденции есть Бо-джи.

- Мне кажется, они уже усвоили урок, - сказала Яшви, - они защищали честь клана. Просто поверили не тому человеку.

Она не хотела выглядеть злопамятной в глазах других кобр. Но, с другой стороны, она не знала, как повела бы себя, окажись в комнате, куда врывается толпа человек во главе с возмущенной стражей, совершенно одна. Принялась бы оправдываться, что не прячет никого в шкафу, под кроватью и на балконе? Или рассвирепела от такой вопиющей наглости? Происхождение играло против нее - Яшви не знала, как правильно вести себя в таких ситуациях.

- У меня никогда не будет другого мужчины, кроме тебя, - добавила девушка. Ей казалось это само собой разумеющимся, если она согласилась выйти за него замуж.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Защищать честь клана не значит врываться ночью в покои моей невесты, - ответил Сонгцэн. - Если бы стражники думали мозгами, они сначала пошли бы ко мне.

И, не найдя его на месте, могли бы догадаться, с кем именно в этот вечер была Яшви. Причем они даже просто разговаривали, несмотря на то, что Сонгцэн не видел ничего криминального в том, если бы их общение было менее целомудренным. Но если бы их застали в спальне, вряд ли он ограничился бы тем, что просто попугал стражников и наложниц.

- Яшви, я тебе доверяю, как, надеюсь, и ты доверяешь мне, - сказал Сонгцэн. - Я знаю, что наложницы будут постоянно распускать сплетни, но я не собираюсь им верить.

Это был самый очевидный ход для Калы и её подруг, чтобы расстроить свадьбу с Яшви. Они будут высматривать и вынюхивать все что только можно, чтобы дать повод сомневаться в верности Яшви, или чтобы доложить ей о возможной неверности Сонгцэна. Потому что все прочие способы несли для зачинщиц куда больше рисков.

Яшви Садхир

Яшви пожалала плечами, она не знала, как и чем думали стражники, и не хотела по этому поводу спорить, потому что принц лучше знал своих людей, чем она. И то, чем они руководствуются, когда позволяют себе врываться в спальню королевской невесты.

- Я бы не вышла замуж, если бы не доверяла, - ответила Яшви. Она надеялась, что принц понимает - тот день, когда он поверит наложницам, а не ей - станет последним днем их совместной жизни, потому что у нее тоже есть лисья гордость, и такое предательство со стороны человека, которого она считала самым близким, она не потерпит. И она собиралась верить ему, а не чьим-то домыслам и сплетням.

- Иногда я завидую Кале, - Яшви перекинула через плечо волосы и начала плести косу, потому что волосы уже высохли и начали мешаться. - У нее такой острый и изобретательный ум, а она тратит его на такую ерунду.

Они только сегодня приехали, а Кала уже успела организовать такую авантюру, да еще и самой остаться в стороне, чистенькой и делающей вид, что она здесь совершенно не при чем. Яшви охотнее поверила бы скалящемуся на нее тигру, чем этой змее, будто она и сама была разбужена шумом в коридоре. Яшви ее не боялась, ее выходки скорее утомляли, чем действительно задевали. Если бы Кала вела себя с большим достоинством, она бы стала опасной противницей.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Представляешь, сколько пользы было бы от королевских наложниц, если дать им

образование и занять их делом? - ответил Сонгцэн.

Кала была стервой, но стервой расчетливой и неглупой. Она старалась не нарываться лично, но он уже знал, что от неё ожидать. Она будет задираться к Яшви, но Сонгцэн чувствовал, что рано или поздно Яшви ей ответит. Потому что его невеста уже не была робкой деревенской девушкой с невольничьего рынка, она почувствовала свою силу и научилась огрызаться. В конце концов, она воевала за свой клан в бою с Шакалами. Она не будет импульсивно огрызаться, но Кала явно не рассчитывала сейчас свои силы.

- Кала заигралась. Она не понимает, что все её выходки только настраивают меня против неё, а ей это очень не выгодно. Его Величеству давно плевать на гарем, ни отцу, ни мне они тоже не сдались. Скоро здесь останутся только те, от кого есть реальная польза для дворца, - сказал Сонгцэн. - И Кала такими темпами будет первой, кому побреют голову и отправят в монастырь в Лумбини.

Яшви Садхир

Яшви слегка улыбнулась. Не все наложницы согласятся отойти пот привычного им праздного образа жизни, когда все, что от них требуется - это как можно дольше сохранять свою красоту и умение играть на эрху или цисьянцзинь, а также вышивать шелком или составлять букеты из ромашек и каких-нибудь фиалок. Потому что образование - это работа, это труд, который требует отдачи и занимает куда больше времени, чем вышивание картины. Яшви уважала тех, кто имел способности ко всем этим изящным искусствам, но сама была от них далека. В мире было еще множество дел, которыми можно было заняться, и это приносило бы пользу.

Но вот слова принца о том, что Калу могут отправить в монастырь против ее воли, ее ничуть не обрадовали. Скорее даже наоборот, она ощутила какое-то возмущение. Это было все равно, что продать человека, этого никто не заслуживал, даже Кала, какой бы мерзкой гадиной она ни была. Но Яшви было нечего предложить вместо этого, поэтому она промолчала. У нее не было никакого решения, чтобы не доводить до такого. Оставалось надеяться, что Кала когда-нибудь образумится, когда поймет, что ее попытки обратить на себя внимание принца приносят не тот результат, на который она рассчитывает.

- Я не буду горевать, если она не останется во дворце, - ответила девушка. - Но не хочу, чтобы ее отправляли в монастырь. Все равно, что быть проданной на рынке против своей воли.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн считал, что решение отправить наложниц в монастырь имело мало общего с продажей на рынке. Потому что там у девиц пусть и не будет прежней свободы, но они будут обеспечены всем необходимым и в безопасности.

- У неё есть выбор, - сказал Сонгцэн. - Если она не будет тратить время на то, чтобы задираться к тебе, и придумает, где и как ей лучше жить после гарема - её никто насильно в монастырь не повезет. Но ей придется туда ехать, если у неё не будет других вариантов.

Монастырь был вариантом для тех, на ком никто не женится или кого не возьмут в гарем кого-то из военачальников. Не выгонять же наложниц его Величества на улицу без средств к существованию. Сейчас у девиц замаячила перспектива научиться хоть чему-то полезному, и тогда они смогут жить самостоятельно, не нуждаясь в покровителях. Но для этого они должны были быстро сориентироваться, пока у них еще было время.

- Но хватит о ней на сегодня, её и так было слишком много, - сказал Сонгцэн, глядя на то, как Яшви заплетала свои длинные волосы.

Яшви Садхир

Что же, это было лучше, чем отправлять ее сразу в монастырь. Если Кала действительно умна, как кажется, то она перестанет цепляться и займется своей жизнью вместо того, чтобы портить чужие. Но если нет, то, может быть, монастырь для нее - лучшее место. Там ее быстро отучат от всех этих каверз и коварных планов, которые она вынашивает с целью поудачнее выскочить замуж.

- Хорошо, не будем больше о ней, - охотно согласилась Яшви, ей тоже тема Калы не казалась особенно интересной и, к тому же, успела уже надоесть. А ведь как-то надо дожить до свадьбы, и это три долгих месяца, если не больше. Они с принцем почти не обсуждали предстоящее торжество. У Яшви не было никаких предпочтений и она надеялась, что все просто пройдет по привычным ей непальским традициям разве что с королевским размахом. Хотя она и даже примерно не представляла себе, что значит королевская свадьба.

Яшви замолчала, продолжая заплетать волосы, а затем убрала их обратно за спину. Она больше не знала, о чем поговорить, потому что все волнующие ее темы так или иначе сейчас касались вещей, о которых Садхир-джи видно, что не хотел говорить. По-крайней мере не сегодня и не сейчас.

- Ты останешься со мной? - спросила девушка без тени смущения. Надо думать, этот вопрос был намного приятнее предыдущих.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн был рад, что Яшви согласилась закрыть тему с Калой, которая этой ночью была третьей лишней. Он сел на подушки возле Яшви, когда она закончила заплетать волосы.

- Да, если ты не возражаешь, - ответил Сонгцэн.

Он обнял девушку за талию, затем коснулся губами её скулы и виска. Он был уверен, что сегодня к ним больше никто не будет ломиться. И надеялся, что этот вопрос во дворце будет закрыт раз и навсегда, потому что его с Яшви отношения должны были касаться только их двоих. И пусть проводить ночи вместе до свадьбы было неправильно, если следовать всем традициям, Сонгцэн был готов отступить от этого правила после ночи накануне боя с Шакалами.

Тогда Яшви пришла к нему потому, что не верила, что переживает следующий день, но в этот раз её духам пришлось её отпустить. А поводы быть вместе должны быть

и более приятными, чем предвкушение неизбежного конца.

Яшви Садхир

- Я не возражаю, - Яшви прижалась к принцу и тронула губами его щеку. И хоть те же непальские традиции запрещали иметь какие то отношения до свадьбы, Яшви предпочитала не брать их во внимание сейчас. А вопрос окровавленных в первую брачную ночь, словно кто-то зарезал курицу прямо в супружеском ложе, легко и быстро решался порезанным пальцем. И в любом случае пускать в свою постель искать там признаки нарушенной девственности кого бы то ни было Яшви не собиралась даже если это доведет до скандала.

Но когда дело доходило до такого вот уровня отношений, более близких, чем вежливые разговоры за одним чайным столиком, Яшви все еще терялась, не зная, что делать, и чего от нее ждет Сонгцэн. После той ночи им уже приходилось ночевать вместе, но это было в горной пещере и на сорванных ветках, а с момента ранения прошло не так много времени, и мысли Яшви были далеки от какого либо интима.

Сейчас все должно было быть по-другому. Можно было уже не опасаться, что кто-то ворвется в спальню спасти честь клана. Их никто не преследовал, у нее не болело плечо, ее не донимали толпы душ. Она не знала ничего наверняка о завтрашнем дне, не было никакой смертельной опасности. Все было проще.

- Здесь такая огромная кровать, - сказала Яшви. - Мне кажется, в ней можно потеряться одной.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

От робкого поцелуя Яшви в теле просыпался жар, который сейчас не было смысла сдерживать и скрывать. Все, что не касалось их двоих, можно было оставить за закрытыми дверями, и как минимум до утра об этом забыть. Сонгцэн провел кончиками пальцев во шее Яшви, затем нежно поцеловал её в губы.

- Значит, не обязательно спать там одной, - сказал он и улыбнулся.

Сонгцэн забрался рукой под шелковую пижамную рубашку, чувствуя нежную горячую кожу девушки. Он не спешил, потому что ему было важно следить за тем, как реагировала на него Яшви. В ту ночь, когда они впервые были близки, он был слишком напористым и торопливым, сегодня стоило быть более внимательным. Он только учился тому, как правильно вести себя с девушкой. Он не считал недостаток опыта своим промахом, лишь задачей, которую стоило решить, говоря, слушая и замечая, как Яшви реагирует на те или иные его действия. Сонгцэн не считал, что было какое-то единое "правильно", которое нужно было найти и запомнить. Нужно было просто учиться чувствовать и слышать друг друга.

Яшви Садхир

От ответа принца, или, что вероятнее, от его прикосновений и поцелуев, по всему телу бежали мурашки, и немного сводило живот и спину, но ощущение было такое. словно внутри просыпается что-то, горячее, дикое, яростное, даже жадное. Что

заставляло Яшви теснее прижиматься к Сонгцэну, хотя она всегда избегала любых прикосновений, и даже после всего, что уже между ними было, предпочитала соблюдать комфортную целомудренную дистанцию. Так было и в монастыре, где их отношения были более чем традиционными и не допускающими ни единого намека на что-то большее.

- Ты будешь приходить каждый день? - спросила она, прикинув щекой к его щеке, а затем чуть сместившись в сторону, чтобы поймать его взгляд. У нее была еще целая тысяча вопросов, которая накопилась за время ее молчания, когда задавать их было неподходяще или неуместно, но когда-то их стоило задать, иначе Яшви чувствовала, что не сможет держать все это внутри себя.

Но она выбирала те вопросы, отвечая на которые, принц мог не отвлекаться от таких приятных поцелуев и ласк. Яшви поняла, что ей не хватало этого все то время после ранения и отъезда из клана. Она всегда думала, что на более близких объятиях всегда должен настаивать мужчина, а женщина - всегда уступать, но на деле это оказалось совсем не так. Что можно с такой же жадностью ждать прикосновений и отвечать на поцелуи с не меньшим рвением.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

- Как ты захочешь, - ответил Сонгцэн когда встретился взглядом с Яшви.

Она не боялась. Ей нравились его прикосновения, и это позволяло Сонгцэну чувствовать себя увереннее. Он провел руками по спине Яшви, забираясь под тонкую прохладную ткань, которая составляла контраст с горячей кожей. От всех этих довольно невинных ласк и прикосновений он все равно чувствовал, как сильно и быстро разгоралось его собственное желание.

Сонгцэн коснулся рукой лица Яшви, очертил линию её скулы, щеки, подбородка, любясь её чертами. Она отличалась от китаянок и девушек из Непала и Индии, сейчас он понимал, что у неё были скорее монгольские черты. Но для него важнее всего было то, что именно эти черты он считал самыми родными. Яшви была для него красива не как какая-то из известных красавиц древности или современности, а как та единственная женщина в его жизни, с которой он хотел быть. Его Яшви. С её скулами, глазами, бровями, губами, которыми он был готов долго любоваться, стараясь как можно лучше запомнить.
